

П. П. Ищенко

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

«Простые» уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью и последствия их применения

Резюме. Эффективные уголовно-правовые меры противодействия организованной преступности должны быть основаны на адекватном понимании этого явления и должны соответствовать принципам, подходам и традициям национальной правовой системы. Диспозиция введенной в Особенную часть УК РФ статьи 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» чрезмерно лаконична и не соответствует фундаментальному принципу правовой определенности уголовно-правовых норм. Несмотря на декларируемые успехи в ее применении, практика судебного рассмотрения уголовных дел о преступлениях этой категории неоднозначна. Кроме того, осуждение вора в законе и водворение его в места лишения свободы не лишает его ни криминального звания, ни реальной власти в преступном мире. Низкая эффективность уголовно-правовых мер объясняется тем, что воровской мир и возглавляющая его преступная иерархия во главе с ворами в законе не являются ни преступным сообществом (преступной организацией), ни организованной группой, ни какой-либо другой из перечисленных в ст. 35 УК РФ формой соучастия. Предлагается, устранив терминологическую избыточность, назвать ее преступным сообществом, в отличие от форм соучастия, предусмотренных частью 4 ст. 35 и статьей 210 УК РФ, которые правильнее именовать преступными организациями. В статье сформулировано определение преступного сообщества в новом его понимании, предложен комплекс подлежащих криминализации деяний для эффективного противодействия этому явлению.

Ключевые слова: криминализация; объективная сторона; организованная преступность; вор в законе; преступная иерархия; воровской мир; преступное сообщество; преступная организация; сговор; форма соучастия

Для цитирования: Ищенко П. П. «Простые» уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью и последствия их применения. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 10. С. 28–41. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.215.10.028-041

«Simple» Criminal Law Measures to Combat Organized Crime and Consequences of their Application

Peter P. Ishchenko

Kutaфин Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Effective criminal law measures to counter organized crime should be based on an adequate understanding of this phenomenon and should comply With the principles, approaches and traditions of the national legal system. The disposition of the article 210.1 «Occupying the highest position in the criminal hierarchy» introduced in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is excessively concise and

does not correspond to the fundamental principle of legal certainty of criminal law norms. Despite the declared successes in its application, the practice of judicial review of criminal cases of crimes is ambiguous. In addition, the conviction of a «thief-in-law» («criminal lord») and his incarceration does not deprive him of either a criminal «title» or real power in the criminal world. The low effectiveness of criminal law measures is explained by the fact that the «thieves' world» and its criminal hierarchy headed by «thieves-in-law» are neither a criminal community (criminal organization), nor an organized group or any other form of complicity listed in Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is proposed, having eliminated terminological redundancy, to call it a criminal community, in contrast to the forms of complicity provided for in Part 4 of Article 35 and Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation that are more correctly called criminal organizations. The paper defines a criminal community in its new understanding, and proposes a set of criminalized acts to effectively counter this phenomenon.

Keywords: criminalization; objective side; organized crime; «thief-in-law»; criminal hierarchy; thieves' world; criminal community; criminal organization; conspiracy; form of complicity

Cite as: Ishchenko PP. «Simple» Criminal Law Measures to Combat Organized Crime and Consequences of their Application. *Lex russica*. 2024;77(10):28-41. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.215.10.028-041

Введение

Организованная преступность, равно как и практика противодействия ей, в разных странах обладает ярко выраженными национально-специфическими чертами, которые сохраняются, даже несмотря на современное влияние глобализации на оба этих явления. Каждая из стран, серьезно столкнувшихся с проблемой организованной преступности, выработала свой собственный подход к ее решению, который формировался не только особенностями проявлений организованного криминала, но и спецификой национального законодательства и судопроизводства, правовой культуры, национальных обычаев, менталитета, свойственных данному народу в конкретный период его истории.

Воры в законе и возглавляемый ими воровской мир — специфическое проявление организованной преступности, характерное для многих стран постсоветского пространства. Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» Особенная часть УК РФ была дополнена статьей 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Практика применения этой нормы получает порой диаметрально про-

тивоположные оценки правоприменителей. Предсказуемые последствия осуждения криминальных авторитетов по этой статье также неоднозначны. В связи с этим соответствие диспозиции ст. 210.1 УК РФ сущности криминализованного ею явления нуждаются в исследовании.

Правовые механизмы противодействия организованной преступности в разных странах

Мировая правоохранительная практика знает немало случаев, когда борьба с организованной преступностью велась и путем прямой внесудебной расправы. Такие методы применял «железный префект» Ч. Мори в 1920-х гг. против итальянской мафии на Сицилии¹, Родриге Дутерте в 2016 г. — против наркопреступности на Филиппинах². В наши дни широкомасштабные полицейские (а иногда и армейские) операции против наркокартелей периодически проводятся в странах Латинской Америки³. Нет необходимости рассматривать эти методы в правовом исследовании. Более интересны законодательные решения стран, справлявшихся с данной проблемой в рамках закона, среди которых можно выделить несколько характерных и даже архетипических подходов.

Государства, не знавшие серьезных проблем с организованной преступностью, обычно не

¹ См.: Минна Р. Мафия против закона. М.: Прогресс, 1988. С. 97–109.

² Страх над городом. Президент Филиппин доказал: террор — отличное средство борьбы с наркоторговцами // URL: https://lenta.ru/articles/2016/12/10/terror_islands/ (дата обращения: 08.04.2024).

³ См., например: Жертвами нарковойн в Мексике за пять лет стали более 47 тысяч человек // РИА «Новости». 11.01.2012. URL: <https://ria.ru/20120111/537291666.html> (дата обращения: 08.04.2024).

имеют потребности и в специальном законодательстве, направленном на противодействие таковой. Так, в Австралии, Великобритании, Израиле и многих других странах нет специальных законов, криминализирующих это явление. С проявлениями организованной преступности здесь справляются при помощи традиционных институтов сговора и соучастия. Уголовное законодательство других стран, таких как Австрия, Аргентина, ФРГ, Франция, устанавливает ответственность за организованные формы преступной деятельности. Страны, столкнувшиеся с серьезными вызовами со стороны организованной преступности, имеют весьма разработанное законодательство по этому вопросу. При этом в их уголовном законодательстве наблюдается широкое разнообразие криминализуемых деяний, подходов и путей реализации мер уголовной политики, представляющихся эффективными в конкретных национальных условиях.

Суть типичного «континентального» европейского подхода к решению проблемы криминализации организованной преступной деятельности состоит в том, чтобы дать в законе точное определение преступных деяний — их объективной стороны и квалифицирующих признаков, соответствующих наиболее опасным ее проявлениям, совершаемым в конкретной стране. Примером такого подхода является уголовное законодательство Итальянской Республики, статья 416 УК которой предусматривает ответственность за создание преступного объединения, понимая под таковым объединение трех и более человек с целью совершения преступлений. Статья также устанавливает повышенную уголовную ответственность за ношение оружия членами таких объединений в сельской местности или на общественных дорогах.

Следующая за ней статья 416 bis устанавливает ответственность за создание объединения мафиозного типа (*associazione di tipo mafioso*), участники которого используют силу запугивания, подчинения и круговой поруки (*omerta*), для совершения преступлений, захвата прямым или косвенным путем руководства или контроля над экономической деятельностью, концессиями, разрешениями, контрактами и общественными службами, в целях получения

незаконных доходов или выгод для себя или других лиц, а также для воспрепятствования свободному волеизъявлению граждан на выборах. В качестве квалифицирующих признаков, влекущих более суровую ответственность, названы вооруженность группировки, а также использование денег, полученных преступным путем, для захвата руководства или установления контроля над экономической деятельностью⁴.

Законодательство США демонстрирует принципиально иной, отличный от европейского подход к решению рассматриваемой проблемы. Основным правовым актом, регламентирующим борьбу с организованной преступностью в США, — *The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act*, более известный как *RICO Act* или Закон RICO, принят в 1970 г. Он не содержит явного определения организованной преступности. В § 1961 приводится весьма широкий перечень деяний (более 50), подпадающих под понятие «рэкет» и действие этого закона, по мнению американского федерального законодателя и законодателей штатов⁵.

Субъектами ответственности по Закону RICO являются «лица» и «предприятия», юридическая грань между которыми обозначена весьма условно. Так, лицом может быть любое физическое или юридическое лицо, обладающее имущественной правоспособностью, а под предприятием понимается любой индивид (физическое лицо), партнерство, корпорация, ассоциация или любое юридическое лицо, а также фактическое объединение группы лиц, не оформленных в виде юридического лица⁶.

Для установления причастности лица к рэкетирской деятельности сотрудникам судебных и правоохранительных органов нет необходимости доказывать его причастность к какой-либо криминальной структуре, достаточно доказать совершение им двух преступлений из числа указанных в § 1961 в течение 10-летнего периода, а также «наличие угрозы продолжения преступной деятельности». Сконструированная специально для борьбы с организованной преступной деятельностью концепция «организационного сговора» презюмирует, что лицо, совершившее два и более акта рэкетирской

⁴ Codice Penale: Libro II: Dei Delitti in particolare // URL: https://belpaese2000.narod.ru/Italia/ufficiale/penale/penale2.html?ysclid=lu2apcxc27504351220#_Toc445516213 (дата обращения: 22.03.2024).

⁵ Criminal RICO: 18 U.S.C. § 1961–1968. A Manual for Federal Prosecutors. Sixth revised edition. Washington, D.C. : Organized Crime and Gang Section U. S. Department of Justice, 2016. P. 31–37, 65.

⁶ Criminal RICO: 18 U.S.C. § 1961–1968. P. 67.

деятельности, не может не состоять в сговоре на участие в делах преступного предприятия. Согласно концепции «совокупной ответственности» не имеет значения, знал ли обвиняемый о преступной деятельности других участников этого предприятия. Дополняет меры по упрощению борьбы с организованной преступностью специальная оговорка законодателя о свободной интерпретации положений данного Закона, согласно которой они могут свободно интерпретироваться правоприменителями для достижения предусмотренных в нем целей⁷.

Еще более оригинальная модель противодействия организованной преступности действует в Японии. Участие в организованном преступном формировании по японскому законодательству не криминализовано и рассматривается лишь какотягающее ответственность обстоятельство в случае совершения преступления. Официально выявленные силовые группировки — «борёкудан», в русскоязычной литературе со значительной долей условности именуемые бандами, существуют открыто, имея легально занимаемые офисы с вывесками, подобно обычным учреждениям.

Закон Японии от 15.05.1991 № 77 «О пресечении незаконных деяний членов преступных группировок» устанавливает систему мер, преимущественно административного характера, направленных на выявление таких группировок, придание им официального статуса, доведение до их участников обширного перечня запретов и взысканий. Членам «открыто выделенной банды» (ОВБ) запрещается заниматься вымогательством, насильственно, путем угроз или уговоров, вовлекать кого-либо в ОВБ, делать подросткам татуировки, заставлять или помогать другому участнику банды совершать «юбицумэ» — ритуальное отрезание себе пальцев на руках в знак искупления вины перед бандой. Установлены и другие, весьма национально-специфические запреты⁸. При этом государство закрывает глаза на некоторые виды незаконной деятельности этих группировок⁹.

Исполнение установленных мер возлагается на систему Комитетов общественной безопасности, имеющих свои подразделения во всех округах и префектурах Японии. Реализуемая ими стратегия по вытеснению преступных формирований из нелегального положения в сферу административного правового регулирования демонстрирует высокую эффективность и имеет лишь один существенный недостаток: сложно представить, что подобный подход может быть использован где-либо кроме самой Японии.

Специфической особенностью организованной преступности в странах постсоветского пространства является существование в них особой криминальной субкультуры — воровского мира, возглавляемого ворами в законе, имеющей длительную историю выживания, в том числе в весьма суровых условиях репрессивной исправительной системы тоталитарного государства. Поэтому эффективные уголовно-правовые меры для противодействия этому явлению не могут быть простыми, они должны быть основаны на адекватном понимании этого явления и должны соответствовать принципам, подходам и традициям национальной правовой системы.

Уже по этим причинам перспектива простого заимствования американского подхода к решению отечественной проблемы воров в законе заслуживает скептической оценки. Отсутствие четких определений, а значит, и границ уголовной ответственности, сведение доказывания причастности к организованной преступной деятельности к установлению факта совершения двух предикатных преступлений в течение определенного периода, применение концепций организационного сговора и совокупной ответственности в сочетании с оговоркой о свободной интерпретации в российской правовой реальности иначе как произвол восприниматься не могут. В условиях американской (англосаксонской) правовой парадигмы, где судья, рассматривая дело, создает прецедент

⁷ См.: Номоконов В. А. Борьба с преступными организациями: американский опыт и российские реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 46–53 ; Cormaneу M. The United States and control of organized crime // Transnational Law and Contemporary Problems. 1997. Spring. P. 126–132.

⁸ См.: Белоцерковский С. Д. Система правового регулирования борьбы с организованной преступностью и научные основы ее оптимизации М. : Российская криминологическая ассоциация, 2011. С. 243–266.

⁹ Стокер С. Японская организованная преступность: содействие торговле людьми в крупных масштабах // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 2 (4). С. 29–35.

и тем «творит право», подобные меры, хотя и экстраординарны, всё же имеют некоторые основания.

Но уголовное законодательство континентального типа (в том числе и российское) не основано на прецеденте, оно создается законодателем, дается судье или иному правоприменителю «в готовом виде» и подлежит лишь необходимому толкованию и предельно точному применению. Здесь требуется однозначно точное определение в норме закона, устанавливающего уголовную ответственность, всех элементов состава преступления. Любые аналогии, усмотрения, вольные интерпретации закона при установлении границ уголовной ответственности традиционно рассматриваются как ведущие к произволу, а потому недопустимые.

Смешение двух этих подходов, наблюдаемое в уголовном законодательстве некоторых стран (например, в УК Грузии) иначе как правовая эклектика восприниматься не может. Заимствованное грузинским законодателем из американского Закона RICO понятие рэкета как повторно совершенного в течение 5-летнего срока преступления¹⁰ фактически сводит борьбу с организованной преступностью к усилению ответственности за специальный рецидив преступлений, что, очевидно, не одно и то же. Оценивая результаты практического применения данного закона, нетрудно заметить, что почти два десятилетия его существования не повлекли уменьшения числа воров в законе грузинского происхождения: они по-прежнему составляют большинство (237 человек, или 58 %) среди лиц данной категории¹¹.

Уголовная ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии: проблемы и последствия применения

Выработка адекватных уголовно-правовых мер по противодействию организованной преступности не может быть тривиальной задачей. Seriously столкнувшись с указанной проблемой

в начале 1990-х гг., отечественный законодатель был поставлен перед необходимостью противодействия сразу двум видам организованной преступности: старой криминальной иерархии воров в законе и новой, состоявшей из не признававших прежних авторитетов группировок бывших спортсменов, силовиков и просто бандитов, пытавшихся при помощи насилия и коррупции установить контроль над зарождавшимся бизнесом, объектами собственности и даже проникнуть в политику.

Однако последние, по меткому выражению В. В. Волкова, оказались «преступностью одного поколения». Их «силовое предпринимательство» закончилось сразу же, как только государство восстановило свою монополию на применение насилия, утраченную в 90-е гг. в связи с упадком государственных институтов после распада Советского Союза¹². Вместо них пришли другие лидеры и преступные группировки, специализирующиеся на предоставлении незаконных товаров и услуг (наркотики, контрафактные товары и т.д.), которые осуществляют свою деятельность скрытно, стараясь не привлекать внимания правоохранительных органов. Воров в законе также уцелели, и само их существование, воспринимаемое как вызов государству и обществу, мотивирует законодателя создавать новые уголовно-правовые инструменты для борьбы с ними.

Идея установления уголовной ответственности за членство в воровском сообществе и обладание статусом вора в законе принадлежит грузинскому законодателю, который еще в 2005 г. принял Закон от 20.12.2005 № 2354-вс «Об организованной преступности и рэжете», а в 2006 г. принял поправки к Уголовному кодексу¹³, предусмотрев в нем статью 223.1, устанавливающую уголовную ответственность за членство в воровском сообществе и пребывание лица в статусе вора в законе. Расчет был сделан на то, что вор в законе, по существовавшим в криминальной субкультуре понятиям, не мог публично отказаться от этого звания, не утратив его фактически. Иначе как наивным такой под-

¹⁰ Закон Грузии от 20.12.2005 № 2354-вс «Об организованной преступности и рэжете» // URL: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1> (дата обращения: 12.01.2024).

¹¹ Прайм крайм: музей истории воровского мира // URL: <https://primecrime.ru/characters/nationality/> (дата обращения: 09.04.2024).

¹² Волков В. В. Силовое предпринимательство: XXI век, экономико-социологический анализ. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2022.

¹³ Уголовный кодекс Грузии // URL: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=254> (дата обращения: 11.01.2024).

ход назвать сложно. Обладатели криминальных званий предсказуемо быстро устранили коллизию в своих «понятиях», договорившись, что правоохранительным органам говорить неправду без ущерба для своей репутации можно.

Однако идея бороться с ворами по их же понятиям некоторым российским юристам казалась простой и привлекательной. Она широко обсуждалась при подготовке проекта Федерального закона от 03.11.2009 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», однако была отвергнута. Основания данного решения были теми же, что вызывают споры вокруг ст. 210.1 УК РФ сейчас. Прежде всего, преступление, согласно ст. 14 УК РФ, есть общественно опасное деяние, а получение кем-либо неофициального звания таковым не является. Ссылка законодателя на не имеющее определения в законе понятие «вор в законе», с одной стороны, оставила бы за рамками правовой нормы остальных авторитетов, а с другой — потребовала бы определения в уголовном или ином специальном законе этого криминального звания.

Следует заметить, что грузинский законодатель проявил необходимую последовательность: в ст. 3 Закона № 2354-вс он дал определения не только вору в законе, но и понятиям «воровское сообщество», «деятельность воровского сообщества», «членство в воровском сообществе», «воровская разборка», «воровской сход». С позиции принятой в континентальном праве законодательной техники установления уголовной ответственности это было правильное и функционально необходимое решение. Однако подобная легализация элементов криминальной субкультуры этически неприемлема, а в силу неписаного и произвольно толкуемого характера этих понятий — юридически бессмысленна. Чтобы избежать этого, в российский юридический дискурс позднее и был введен эвфемизм «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», под которым понимаются прежде всего воры в законе, а также остальные иерархи воровского мира.

Интересно, что изначально в проекте Федерального закона № 245-ФЗ не была предусмо-

трена часть 4 в ст. 210 УК РФ, она появилась позже, в процессе принятия закона, причем, очевидно, не без влияния грузинского образца. Однако эта норма за все время существования применялась исключительно редко. Причина видится в том, что определения преступной иерархии закон не содержит, а занимающие в ней высшее положение воры в законе сами в состав руководства организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), в том виде, как они определены в ч. 3, 4 ст. 35 УК РФ, входят крайне редко. Члены воровского мира если и обращаются к ним, то именно как к авторитетам, носителям неформальной власти, а не как к возможным соучастникам.

Нормальным решением вопроса установления уголовной ответственности воров в законе и прочих иерархов преступного мира в традициях континентальной правовой системы было бы точное определение в норме закона объективной стороны совершаемых ими общественно опасных деяний (по аналогии с ч. 1 ст. 210 УК РФ). При этом использование перечисляемых деяний в качестве неявного определения позволило бы избежать использования в диспозиции статьи и нежелательной лексики.

Однако вместо этого законодатель в очередной раз обратился к грузинскому способу борьбы с организованной преступностью. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации была дополнена статьей 210.1, диспозиция которой оказалась буквально равной названию этой статьи — «Занятие высшего положения в преступной иерархии».

Следователи и оперативники высоко оценили такую простоту: за первый год применения по ст. 210.1 было возбуждено 52 уголовных дела, под следствием оказались 44 вора в законе и 12 иных криминальных авторитетов. Из России, опасаясь уголовной ответственности, уехали более 60 воров в законе¹⁴. Однако в судах дела этой категории рассматриваются с переменным успехом ввиду сложности доказывания вины обвиняемых в совершении данного преступления. Это плата за простоту диспозиции нового состава преступления, поскольку каждое из 5 слов, ее составляющих, вызывает больше вопросов, чем ответов, которые могли или должны были бы предложить законодатель или хотя бы Пленум Верховного Суда РФ в своих разъяснениях.

¹⁴ Главный борец с ворами в законе впервые рассказал об итогах войны с ними // URL: <https://lenta.ru/news/2020/04/14/voriy/> (дата обращения: 19.12.2023).

Так, слово «занятие», обозначающее активное действие субъекта данного преступления, не вполне соответствует фактическому порядку приобретения им «высшего положения в преступной иерархии». Известно, что воры в законе не сами занимают это положение, а «коронуются» другими авторитетными ворами. Аналогичным образом «смотрящий» или «положенец» назначаются («ставятся») вышестоящими криминальными авторитетами, а при отсутствии таковых — выбираются всем воровским сообществом. Процедуры эти нигде не прописаны, проводятся тайно, что составляет сложность в доказывании места и времени совершения данного преступления и в конкретизации действий, составляющих его объективную сторону. Кроме того, после криминализации участия в воровских сходках и неоднократных задержаний их участников авторитеты преступного мира почти перестали их проводить, предпочитая решать вопросы, в том числе о «коронации» воров, назначении смотрящих и положенцев, при помощи мобильной конференц-связи¹⁵.

Слово «высшее» применительно к положению, занимаемому лицом в преступной иерархии, вызывает споры относительно того, имел ли законодатель в виду только воров в законе или же и иных членов преступной иерархии, в том числе положенцев и смотрящих. Обоснован также вопрос: положение должно быть высшим во всем воровском мире или достаточно указанного положения в городе, исправительной колонии, в отдельном бараке или камере исправительного учреждения? Столь же закономерен вопрос о том, что собой представляет и из кого состоит упомянутая в ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ преступная иерархия, какими признаками должны обладать составляющие ее лица? Отсутствие определений в законе заставляет обращаться за разъяснениями к экспертам-лингвистам¹⁶, что, конечно же, не является равноценной заменой.

Положение, занимаемое криминальными авторитетами, неформально, а потому узнать о нем сравнительно несложно, но установить его достоверно, при помощи формальных доказательств, весьма проблематично. Практика расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о таких преступлениях показывает, что

в качестве доказательств вины привлекаемого к ответственности криминального авторитета обычно используются:

- показания оперативных сотрудников, а также свидетелей, данные о личности которых скрыты, в порядке ч. 9 ст. 166, ч. 5 ст. 278 УПК РФ;

- протоколы освидетельствования подозреваемого, обвиняемого, в результате которого на его теле обнаруживаются татуировки;

- выводы культурологической экспертизы о том, что эти татуировки характерны для лиц, «занимающих высшее положение в преступной иерархии»;

- изъятые в ходе следственных действий, оперативных или режимных мероприятий в местах лишения свободы воровские «прогоны» — письма к местному криминалитету, в которых может содержаться информация о занятии лицом определенного места в преступной иерархии.

Перечисленные доказательства небезупречны. Так, показания сотрудников правоохранительных органов и лиц, с ними сотрудничающих (а потому и защищаемых), вряд ли можно признать беспристрастными. Но даже такие свидетели вряд ли могут сообщить суду необходимые для доказывания вины подсудимого подробности: где, кем и когда тот был «коронован», т.е. поставлен на высокую должность в преступной иерархии? Еще менее вероятно, что они могут назвать доступные проверке источники своей осведомленности, что в силу п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ ставит под сомнение допустимость таких доказательств. Выводы культурологической экспертизы, равно как и предположение о том, что обнаруженные на теле подсудимого татуировки никто другой, кроме вора в законе, носить не может, имеют оценочный характер, а защита довольно легко сможет найти и представить суду носителя похожих татуировок, не занимающего никакого положения в преступном мире. Столь же сомнителен и приобщенный к материалам уголовного дела прогон, происхождение, авторство и подлинность которого объективно ничем не подтверждаются.

Все перечисленные источники доказательственной информации, конечно же, могут указывать на то, что подсудимый занимает

¹⁵ Косьяненко Е. В., Кармановский М. С. Критический анализ положений ст. 210.1 УК РФ и практики ее применения // Научный портал МВД России. 2022. № 2 (58). С. 66–70.

¹⁶ Якушкин А. В. Тонкости защиты: Защита воров в законе // Уголовный процесс. 2020. № 10. URL: <https://e.ugpr.ru/846984> (дата обращения: 22.03.2024).

высокое место в преступной иерархии, но их качество вряд ли позволяет утверждать об этом «вне всякого разумного сомнения». Столь краткая диспозиция обсуждаемой статьи УК РФ настоятельно требует разъяснений. В отсутствие таковых рассматриваемая норма УК РФ может применяться лишь при наличии весьма широких допущений, основанных на правосознании и широте судебного усмотрения. И это весьма похоже на оговорку о свободной интерпретации в американском Законе RICO. Отечественный законодатель, конечно же, нигде подобных оговорок не делал. Однако отсутствием в законе определений и чрезмерной лаконичностью диспозиции ст. 210.1 УК РФ он фактически создал положение, требующее их интерпретации, которую каждый правоприменитель вынужден делать сам (пусть даже с опорой на мнения ученых и экспертов).

Использование подобных подходов чуждо нашей правовой системе: нарушение принципа правовой определенности уголовно-правовых норм при формулировке диспозиции рассматриваемой статьи приводит к тому, что для ее применения теперь требуется отступление и от принципов уголовного судопроизводства, презумпции невиновности например. Продолжается деформация континентальных правовых принципов в угоду англосаксонской парадигме заимствованного юридического механизма. И всё это, как и последствия применения данной нормы, не может не вызывать критики.

Так, конструкция рассматриваемого состава указывает, что преступление является длящимся, т.е. оно является оконченным с момента принятия лицом на себя криминального звания, соответствующего его положению в преступной иерархии, и продолжается вплоть до его окончания. Однако привлечение криминального авторитета к уголовной ответственности и водворение его в места лишения свободы не лишают его власти и положения в преступном мире. Следует констатировать, что у государства нет законных способов пресечь преступление, состоящее лишь в обладании неформальным званием.

Еще более интересная ситуация возникнет, если лицо, осужденное за данное преступление, отбудет назначенное наказание, не отка-

завшись от своего звания и занимаемого им высшего положения в преступной иерархии. Освободившись из мест лишения свободы, оно продолжит пребывать в прежнем противозаконном положении, но привлечь его вновь к уголовной ответственности за это будет невозможно в силу ч. 1 ст. 50 Конституции РФ. Некоторые авторы полагают, что разрешить эту ситуацию можно, поставив возможность повторного привлечения к ответственности за совершение данного преступления в зависимость от фактического использования лицом своего статуса в преступных целях¹⁷. Слабость этой позиции заключается в том, что диспозиция ст. 210.1 УК РФ не содержит такого условия наступления уголовной ответственности. Кроме того, отследить, как и когда криминальный авторитет использует свой статус, довольно сложно, но водворение его в места лишения свободы препятствием для этого точно не является.

Исходя из этого, вор в законе или иной представитель преступной иерархии, отбыв наказание и не отказавшись от своего звания, получит иммунитет от уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ. Очевидно, что это совершенно не тот результат, которого хотел добиться законодатель.

В связи с этим есть основания задать вопрос: каких целей намеревался достичь законодатель, устанавливая уголовную ответственность за сам факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии? Установление данного обстоятельства в судах преимущественно сводится к получению доказательств наличия у него неформального статуса вора в законе (положенца, смотрящего), что расценивается и как причастность его к упомянутой преступной иерархии, и как занятие в ней высшего положения. Как показывают судебные процессы, естественной защитной реакцией криминальных авторитетов в такой ситуации является отрицание наличия у них этого звания либо заявление об отказе от такового. Можно без особого труда прогнозировать, что продолжение этой практики в обозримом будущем может привести к существенному сокращению числа или даже к исчезновению воров в законе, открыто позиционирующих себя в качестве

¹⁷ Кутуков С. А., Моисеев Н. Д. Особенности применения ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» в исправительных учреждениях // Правовая культура в современном обществе : сборник науч. статей. Могилев : Могилевский институт МВД, 2021. С. 335–339. URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/5274 (дата обращения: 22.03.2024).

таковых. Но будет ли это означать конец самой преступной иерархии?

Для ответа на этот вопрос следует выяснить, что первично: сама преступность или преступная иерархия? Ответ очевиден: не воры в законе порождают преступность, а она их. Они лишь вносят в преступный мир необходимый ему самому элемент упорядоченности. Даже если представить себе ситуацию, что все авторитеты преступного мира в один день волшебным образом исчезнут, рядовые его представители тут же проведут «выборы» и назначат новых.

Причина устойчивости преступной иерархии кроется в ее функциональной необходимости. Даже преступному миру нужны свои идейные вдохновители, пропагандирующие его идеи и тем оправдывающие его существование; нужны судьи, которые не только авторитетно разъясняют принятые в криминальной субкультуре понятия, но и смогут урегулировать постоянные в этой среде споры и конфликты. Вор в законе имеет («держит») «общак» — своеобразный банк и страховую компанию воровского мира, взносы в который должен вносить каждый, кто постоянно занимается преступной деятельностью, а положенцы и смотрящие обязаны следить за тем, чтобы никто об этом не забывал. Из средств общака организуется приобретение продуктов, чая, табака и пр. для улучшения положения отбывающих наказание в местах лишения свободы («грев зоны»), иногда оказывается помощь их семьям, производится оплата труда адвокатов и т.д. К иерархам преступного мира обращаются за «трудоустройством» после освобождения из мест лишения свободы лица, не намеренные вставать на путь исправления. Поэтому криминальная среда будет всегда воссоздавать преступную иерархию, постоянно пополняя ее ряды новыми авторитетами.

Следует признать, что финансовая деятельность воров в законе сегодня изучена хуже всего, несмотря на то что именно она во многом обеспечивает их влияние и авторитет. Случаи обнаружения воровских денежных фондов (общаков) в ходе оперативно-следственных мероприятий единичны, способы их пополнения и функционирования изучены слабо, притом что собирание и использование этих средств криминалом практикуется в широких масштабах.

Норма ст. 210.1 УК РФ, по существу, направлена лишь на уничтожение криминальных званий,

но не самой преступной иерархии. Авторитеты преступного мира вполне смогут от них отказаться¹⁸. Это сделает их менее заметными для властей и более похожими на своих европейских и американских коллег. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии не решает проблему организованной преступности, а скорее «заметает ее под ковер».

Логично также предположить, что принятие указанного Закона имеет целью привлечь к уголовной ответственности всех воров в законе и прочих авторитетов преступного мира. Безусловно, такая инициатива вряд ли пришлась им по душе. Под угрозой уголовной ответственности они будут принимать различные меры: начиная с отрицания своей причастности к преступной иерархии и заканчивая бегством из страны. Но, как уже отмечено, это не лишает их власти над преступным миром, а покинувшие страну авторитеты просто оказались вне сферы контроля отечественных правоохранительных органов.

Что же произойдет, если руководители преступного мира, в соответствии с идеей законодателя, окажутся в местах лишения свободы? Вряд ли они встанут на путь исправления. Напротив, следует ожидать повышения организованности и усиления антиобщественных настроений среди отбывающих наказание осужденных.

Менее очевидные последствия подобных решений заметны лишь в конкретном историческом контексте. Движущей силой изменений преступности (в том числе и организованной), как и всего общества, являются новые информационные технологии. Так, прямо на наших глазах в Интернет ушла почти вся наркоторговля, распространение незаконного контента (экстремистская литература, порнография, компьютерные программы, аудиовизуальная продукция и прочие произведения, нарушающие авторские права, и т.д.), контрафактной продукции, товаров, изъятых из оборота и незаконных услуг. Способы совершения наиболее распространенных корыстных преступлений (кражи, мошенничество и др.) были существенно модернизированы, за счет чего размер наживы от преступной деятельности вырос до невиданных ранее размеров. Выросло и поколение новых преступников, уверенно владею-

¹⁸ См., например: Старейший вор в законе заявил полиции о своем отказе от криминального статуса // URL: <https://lenta.ru/news/2019/08/16/muha/> (дата обращения: 16.08.2019).

щих информационными технологиями, осуществляющих свою деятельность исключительно в сети Интернет.

В обычной жизни новые, «компьютерные» воры и мошенники имеют немного шансов встретиться с представителями «старого» криминалитета, но привлечение их к уголовной ответственности и водворение в места лишения свободы делают такую встречу неизбежной. Последствия ее предсказуемы: лица, обладающие положением в преступной иерархии, несомненно, уже оценили по достоинству как высокую доходность применения высоких технологий в воровском деле, так и профессиональные навыки новых коллег. В условиях исправительных учреждений они легко установили над ними контроль, одновременно придав им сил и ресурсов для развития, после чего заставили пополнять воровской общак. Так произошла «цифровизация» воровской экономики. О том, что данный процесс прошел успешно, косвенно свидетельствуют цифры, приведенные Генеральным прокурором РФ И. В. Красновым: за пять лет число киберпреступлений в России выросло в 25 раз¹⁹. Есть основания полагать, что в отмеченных Генеральным прокурором криминальных достижениях есть заслуга и лиц, занимающих руководящее положение в преступной иерархии.

Таким образом, громкие успехи оперативных и следственных органов в борьбе с ворами в законе и их преступной иерархией, достигнутые благодаря применению ст. 210.1 УК РФ, при ближайшем рассмотрении выглядят не столь уж убедительно, более того — неоднозначно. Борьба с криминальными званиями не подрывает власть лидеров преступного мира, а потому это всего лишь паллиатив, а не реальное средство борьбы с возглавляемой ворами в законе преступной иерархией.

Преступный мир и возможные подходы к криминализации его проявлений

Настоящее решение проблемы воров в законе и возглавляемой ими преступной иерархии куда сложнее, и для выработки его следует прежде всего покинуть путь неразборчивого заимствования чуждых правовых механизмов и обес-

печить соблюдение принципов и подходов, свойственных отечественному праву. Сделать это можно двумя способами. Можно пойти по пути грузинского законодателя и дать в законе определения общественно опасных проявлений криминальной субкультуры, со всеми вытекающими из такого решения последствиями. Но наиболее правильным, на наш взгляд, путем избежать засорения закона нежелательной терминологией представляется использование в диспозиции нормы неявного определения криминализуемого явления через перечисление признаков. В диспозиции статьи следует привести перечень деяний, совершаемых лицами, занимающими руководящее положение в преступной иерархии, при реализации своей власти, но без употребления означающих их лексических единиц, связанных с криминальной субкультурой.

При этом следует понимать, что содержащийся в ч. 1 ст. 210 УК РФ перечень преступных деяний не может быть полностью использован и в ст. 210.1 УК РФ. Он характеризует деятельность не только (и не столько) воров в законе, но и организаторов и руководителей преступных сообществ (преступных организаций), которые могут не иметь к воровской иерархии никакого отношения. Совершение же «лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии» деяний, предусмотренных частями 1 и 1.1 ст. 210 УК РФ, криминализовано в ч. 4 данной статьи.

Возглавляемая ворами в законе преступная иерархия и сам воровской мир не являются сговором на совершение преступления или организованной группой; они не соответствуют и определению преступного сообщества (преступной организации), содержащемуся в ч. 4 ст. 35 УК РФ, поскольку не являются ни структурированной организованной группой, ни их объединением. Личное участие в организации, а тем более — в руководстве такими группами и объединениями в целях совершения конкретных преступлений воры в законе принимают крайне редко. Воровской мир и преступная иерархия вообще не являются формой соучастия: здесь мы имеем дело с совершенно другим типом криминальных объединений.

Принципиальная разница между воровским миром и преступным сообществом (преступ-

¹⁹ Егоров И. Генпрокурор рассказал о росте числа киберпреступлений в России в 25 раз // Российская газета. 17.07.2020. URL: <https://rg.ru/2020/07/17/genprokuror-rasskazal-o-roste-chisla-kiberprestuplenij-v-Rossii-v-25-raz.html>?ysclid=lub36ndbxbp244757587 (дата обращения: 26.03.2024).

ной организацией) заключается также в следующем. Преступное сообщество (преступная организация) в том виде, как они определены в ч. 4 ст. 35 УПК РФ, — это организационная форма, в основном характерная для криминальных формирований, занимающихся деятельностью по предоставлению незаконных товаров и услуг²⁰ либо специализирующихся на совершении преступлений, требующих длительной совместной работы. Их развитая структура является результатом «производственной» деятельности. Таковы современные криминальные формирования, действующие в сфере контрабанды и сбыта наркотиков, иных предметов, изъятых из гражданского оборота, незаконного производства различной продукции, отмывания денег и т.п. К этому же типу криминальных структур относились и канувшие в Лету рэкетирские группировки недавнего прошлого, занимавшиеся «обеспечением безопасности» подконтрольных организаций²¹. По своей сути, это коммерческие предприятия, извлекающие прибыль за счет систематической преступной деятельности.

Воры в законе и возглавляемая ими иерархия таким «предприятием» не являются, никаких товаров они не производят и услуг не оказывают, а потому не нуждаются и в структуре, состоящей из организованных групп. Осуществляемая ими «экономическая» деятельность куда проще: вор в законе просто собирает дань в общак на нужды воровского мира со всех его сторонников, а также с прочих подконтрольных или зависимых лиц. Он назначает смотрящих, положенцев и прочих приближенных, одной из главных задач которых также является пополнение общака за счет добровольных и принудительных взносов как отдельных преступников, так и руководителей организованных групп, преступных сообществ (преступных организаций), подконтрольных или связанных с ними предпринимателей, а также из любых других доступных источников. «Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» обычно не нуждается в собственной организованной группе или их объединении: его авторитет позволяет обратиться к любому представителю преступного мира, признающему его власть. С их помощью он может проецировать

свою власть за пределы воровского мира и за деньги решать вопросы обращающихся к нему торговцев, коммерсантов и прочих связанных или столкнувшихся с криминалом лиц. Он может нелегально инвестировать в них деньги общака или свои «ценные» услуги, устанавливая, таким образом, над ними контроль.

В свою очередь, все члены воровского мира обязаны платить взносы в общак и за это, попав в места лишения свободы, могут рассчитывать на какую-то помощь. Поэтому сам воровской мир — это скорее сообщество, организованное по типу криминального профсоюза, возглавляемое и управляемое авторитарными лидерами при помощи неписаной системы обычаев, правил и норм поведения. Его можно определить как неформальное объединение лиц, имеющих твердые антиобщественные убеждения и установку на постоянное занятие преступной деятельностью с целью получения средств к существованию, т.е. в виде промысла²², признающих нормы и правила этого сообщества, авторитет воров в законе и прочих представителей преступной иерархии. Этот криминальный «профсоюз» далек от единства и группируется в постоянно враждующие кланы вокруг наиболее влиятельных преступных авторитетов.

Таким образом, воровской мир и возглавляющая его преступная иерархия представляют собой особый тип организации криминалитета, для которой не характерны ни наличие структурированности, ни образование организованных групп как элементов этой структуры, ни даже совместное совершение конкретных преступлений. Адекватного определения такому типу криминальных объединений в Уголовном кодексе РФ нет. Нет оснований и полагать подобную организацию уникальной: помимо воровского сообщества, аналогично организованы цыганские и некоторые другие этнические кланы, также постоянно занимающиеся преступной деятельностью в виде промысла. Сходным образом организовано и признанное экстремистским молодежное движение АУЕ. Последнее означает практическую возможность не только «занятия высшего положения в преступной иерархии», но и создания таковой.

Этот тип организации криминалитета требует собственного названия, и его следовало

²⁰ Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994. С. 49–51.

²¹ См.: Волков В. В. Указ. соч.

²² Куликов В. И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности. Ульяновск, 1994. С. 34.

бы дать, заодно ликвидировав терминологическую избыточность, присутствующую в наименовании формы соучастия, закрепленной в ч. 4 ст. 35, и деяния, криминализованного в ст. 210 УК РФ. То, что закреплено в указанных нормах Уголовного кодекса РФ, правильнее называть преступной организацией, поскольку наличие структуры и является ее характерной чертой. А под преступным сообществом представляется правильным понимать неформальное объединение лиц на основе единой антиобщественной установки на постоянное занятие преступной деятельностью в виде промысла, принятых в нем норм, обычаев, правил поведения и признания авторитета (власти) его лидеров. Это определение и следует закрепить в Уголовном кодексе. Используя это понятие, можно избавиться и от излишнего, не имеющего определения в законе понятия преступной иерархии.

Соответственно, статью 210 УК РФ следует назвать «Создание преступной организации и участие в ней» и далее исключить из текста ее диспозиции слова «преступное сообщество», оставив их только в ч. 4 данной статьи, заменив ими слова «преступной иерархии».

Статью 210.1 УК РФ также целесообразно переименовать — «Создание преступного сообщества, занятие в нем руководящего положения и участие в нем». В ее диспозиции следует привести перечень конкретных криминализуемых деяний, образующих объективную сторону данного преступления. Полагаем, что в диспозиции ч. 1 данной статьи должны быть указаны следующие способы совершения данного преступления:

- создание преступного сообщества (в новом его понимании), занятие в нем должностей или получение званий, утверждающих авторитет и дающих власть над другими членами преступного сообщества, а также пребывание в этом положении;

- присвоение должностей или званий в преступном сообществе другим лицам самостоятельно или совместно с другими лицами, лишение таких должностей и званий в преступном сообществе, а также признание или одобрение таких действий, совершенных другими лицами;

- подстрекательство членов сообщества к совершению ими противоправных действий;

- участие (в том числе дистанционно, при помощи средств коммуникации) в собраниях лиц, имеющих авторитет в преступном сообществе, в целях решения любого из перечисленных в диспозиции данной статьи вопросов;

- разрешение споров о соблюдении норм и правил, принятых в преступном сообществе, о статусе его членов (участников), а также раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между ними;

- оказание влияния на граждан, предпринимателей, должностных лиц органов власти и управления в интересах преступного сообщества или иных связанных с ним лиц;

- организация сбора денежных средств и иных ценностей участниками преступного сообщества, накопление и управление собранными средствами в интересах преступного сообщества, в том числе любое инвестирование их в легально действующие предприятия, а также предоставление средств членам преступного сообщества, связанным с ними физическим или юридическим лицам, а также совершение при помощи указанных средств иных действий в интересах преступного сообщества и его членов.

Также должно быть криминализовано и активное участие в преступном сообществе, добровольное или инициативное выполнение любых указаний его руководителей, направленных на поддержание их авторитета, а также идей, ценностей, норм и правил поведения, образа жизни, принятых в этом сообществе. Следует, однако, исключить ответственность лиц, не входящих в преступное сообщество, но выполняющих указания его руководителей по принуждению.

Статьей 223.3 УК Грузии установлена уголовная ответственность за поддержку деятельности воровского сообщества. Имеет смысл и в Российской Федерации рассмотреть вопрос об установлении уголовной ответственности за любую поддержку и оказание помощи преступному сообществу и его руководителям в отдельной статье УК РФ (210.2, например). По нашему мнению, подлежат криминализации как материальная поддержка руководителей преступного сообщества путем предоставления денег или иных ценностей лично им или их доверенным лицам либо третьим лицам по их указанию, так и публичная пропаганда их антисоциальных идей, ценностей, правил поведения и образа жизни.

И наконец, целесообразно рассмотреть вопрос об установлении уголовной ответственности лиц, не входящих в преступное сообщество, но признающих авторитет его лидеров и в силу этого обращающихся к ним за помощью. Такая ответственность установлена статьей 223.4 УК Грузии: «Обращение к члену

“воровского сообщества”/“вору в законе” или получение материальной выгоды либо материального преимущества в результате такого обращения». При этом часть 2 данной статьи устанавливает ответственность за заведомое получение третьим лицом в результате такого обращения материальной выгоды или материального преимущества. Часть 3 этой статьи устанавливает более строгую ответственность за обращение к криминальному авторитету, повлекшее тяжкие последствия. Есть основания полагать, что норма, устанавливающая ответственность граждан за подобные обращения к авторитетам преступного мира, необходима и в российском законодательстве.

Диспозиции предлагаемых к заимствованию указанных норм УК Грузии содержат описания конкретных общественно опасных деяний, имеющих место и в нашем обществе. Они не требуют «свободной интерпретации» или иных экзотических условий для реализации. Это дает основания полагать, что их появление в российском уголовном законе не вызовет проблем с их применением.

Заключение

Феномен воров в законе и воровского мира подлечит более тщательному изучению, несмотря на всю сложность этого мероприятия. Только правильное понимание сущности организованной преступности позволит создать адекватные правовые инструменты для противодействия ее проявлениям. Необдуманное заимствование чуждых правовых норм и механизмов не только создает проблемы при их применении, но и подвергает деформирующему воздействию основополагающие принципы отечественного права. Заимствуемая из иностранного законодательства правовая норма должна в диспозиции адекватно отражать общественно опасное деяние, встречающееся в российской действительности, а ее применение не должно нарушать принципов, подходов и традиций отечественного права.

Внесение предлагаемых изменений в российское уголовное законодательство не обещает быстрых успехов в борьбе с возглавляемой ворами в законе преступной иерархией. Однако предлагаемый путь не только соответствует принципам отечественной правовой системы, но и направлен на реальный подрыв власти криминальных авторитетов, а не на лишение их неформальных званий и титулов. Действительно сложные задачи, как правило, не имеют простых решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белоцерковский С. Д. Система правового регулирования борьбы с организованной преступностью и научные основы ее оптимизации. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2011. 585 с.
- Волков В. В. Силовое предпринимательство: XXI век, экономико-социологический анализ. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб. : Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2022. 360 с.
- Косьяненко Е. В., Кармановский М. С. Критический анализ положений ст. 210.1 УК РФ и практики ее применения // Научный портал МВД России. 2022. № 2 (58). С. 66–70.
- Куликов В. И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности. Ульяновск, 1994. 256 с.
- Кутуков С. А., Мусеев Н. Д. Особенности применения ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» в исправительных учреждениях // Правовая культура в современном обществе : сборник науч. статей. Могилев : Могилевский институт МВД, 2021. С. 335–339. URL: https://elib.institutemvd.by/jsrui/handle/MVD_NAM/5274 (дата обращения: 22.03.2024).
- Минна Р. Мафия против закона. М. : Прогресс, 1988. 344 с.
- Номоконов В. А. Борьба с преступными организациями: американский опыт и российские реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 46–53.
- Стокер С. Японская организованная преступность: содействие торговле людьми в крупных масштабах // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 2 (4). С. 29–35.
- Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994. 501 с.

Якушкин А. В. Тонкости защиты: защита воров в законе // Уголовный процесс. 2020. № 10. URL: <https://e.ugpr.ru/846984> (дата обращения: 22.03.2024).

Cormaney M. The United States and control of organized crime // *Transnational Law and Contemporary Problems*. 1997, Spring. P. 126–132.

REFERENCES

Belotserkovskiy SD. The system of legal regulation of the fight against organized crime and the scientific basis for its optimization. Moscow: Russian Criminological Association Publ.; 2011. (In Russ.).

Cormaney M. The United States and control of organized crime. *Transnational Law and Contemporary Problems*. 1997, Spring:126-132.

Kosyanenko EV, Karmanovsky MS. Critical analysis of the provisions of Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the practice of its application. *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;2(58):66-70. (In Russ.).

Kulikov VI. Fundamentals of the forensic theory of organized criminal activity. Ulyanovsk; 1994. (In Russ.).

Kutukov SA, Moiseev ND. Features of the application of Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Occupying a high position in the criminal hierarchy» in correctional institutions. *Legal culture in modern society: a collection of scientific articles*. Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs; 2021. Available at: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/5274 (Accessed 22.03.2024). (In Russ.).

Minna R. Mafia against the law. Moscow: Progress Publ.; 1988. (In Russ.).

Nomokonov VA. Fight against criminal organizations: American experience and Russian realities. *Criminology Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2014;4:46-53. (In Russ.).

Schneider GJ. Criminology. Moscow; 1994. (In Russ.).

Stoker S. Japanese Organized Crime: Facilitating Large-Scale Human Trafficking. *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2008;2(4):29-35. (In Russ.).

Volkov VV. Power entrepreneurship: the 21st century, economic and sociological analysis. 4th ed. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg; 2022. (In Russ.).

Yakushkin AV. Subtleties of Defense: Protecting Thieves in Law. *Criminal Protsess*. 2020;10. Available at: <https://e.ugpr.ru/846984> (Accessed 22.03.2024). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ищенко Петр Петрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ppischenko@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr P. Ishchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Organization of Judicial and Prosecutor's Investigative Activities, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ppischenko@msal.ru

Материал поступил в редакцию 17 июня 2024 г.

Статья получена после рецензирования 22 июня 2024 г.

Принята к печати 15 сентября 2024 г.

Received 17.06.2024.

Revised 22.06.2024.

Accepted 15.09.2024.